

✿ Валерий СДОБНЯКОВ

Говорящее дерево

Валерий Викторович Сдобняков

Говорящее дерево

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21996684

Говорящее дерево: Родное пенелище; Нижний Новгород; 2014

ISBN 978-5-98948-060-9

Аннотация

Вместо аннотации предоставим слово писателю из Краснодарского края Сергею Чепрову: «Колька», это – поэзия. Настоящая! Тут не нужно ни разбирать произведение, ни переосмысливать его, а просто как изумительное стихотворение прочесть его и сохранить в сердце навсегда. Это сродни «плачу», поэтическому жанру древней Руси. Плач о безвозвратной утрате детства и неизбежности взросления. Причём, такой искренний и чистый, с таким чувством необходимости этой неизбежности, что от него более, может быть, светло, чем горько...»

Содержание

Книга глубокого нравственного заряда	6
Колька	8
Говорящее дерево	8
Тропинка из детства	17
Отец	23
Ветер	30
Сон	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Сдобняков

Говорящее дерево

© В. В. СДОБНЯКОВ – текст, 2014

© МОФ «Родное пепелище» – дизайн, верстка, 2014

* * *

Над речным раздольем. Портрет Валерия Сдобнякова. 2013. Х/м. 100×110

Заслуженный художник РФ К. И. Шихов.

Книга глубокого нравственного заряда

Сердцевиной книги «Говорящее дерево» является повесть «Колька». Она широко известна российскому и зарубежному читателю, ибо печаталась не только в изданиях Хабаровска, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Алтайского края, в других городах России, но и в Минске и в США. Насколько я знаю, талантливым произведением заинтересовались в Белграде, и оно готовится к изданию в переводе на сербский язык. Сама же книга состоит из отдельных рассказов, которые как сюжетом своим, так и психологическим настроением тесно связаны друг с другом и раскрывают удивительный мир юного героя – сельского мальчика.

«Говорящее дерево» (замечательное название для тёплой встречи с детьми) – есть духовное проникновение в мир подростка, оно, как умный собеседник, ведёт деликатную беседу с детской душой через благодать общения с природой. Найдена истинная интонация разговора, подкреплённая художественным словом и картинками красок окружающих полей и лесов (автор умело владеет палитрой русского народного языка), очаровывает юного читателя. Да, такую книгу можно впустить в дом и в школу. В ней не иссякает нравственный

заряд, который чрезвычайно полезен для умного воспитания ребёнка в любви к ближнему, к родной природе, к Отечеству. Я давно слежу за творчеством Валерия Викторовича Сдобнякова. И вижу, как набирается сил его природный талант, как нравственно крепчает его гражданский голос, как общественно значимы дела его ума и сердца. Особенно впечатляет его самоотверженное служение отечественной литературе на примере создания и тринадцатилетнего выпуска журнала «Вертикаль. XXI век», очень профессионального, умного и заботливого издания. Личное творчество известного прозаика и очеркиста Сдобнякова только подтверждает учительное направление его таланта.

Анатолий Парнара, поэт, драматург, историк, литературовед, лауреат Государственной премии России, вице-президент Российской академии словесности, член Высшего творческого Совета Союза писателей России
г. Москва, 17 января 2014 г.

Колька

Повесть

Посвящаю Тане и Наташе

Говорящее дерево

Смотри-ка, так и набрал корзину-то! – Прасковья Ильична, встретившая меня у порога в избу, какое-то время удивлённо смотрела на принесённые мною грибы. Затем, всплеснув руками, будто опомнившись, захлопотала вокруг стола, освобождая место. – А я думала пустым возвратиться. Уж гриб больно плох в этом году.

Не снимая сапог, я прошёл к столу и с удовольствием начал выкладывать из корзины круглые, как теннисные шарики, светло-коричневые скользкие кулачки; оранжевые с крепкой шляпкой, плотно облегающей ножку, подосиновики; мясистые упругие лисички; жёлтые, красные и голубые сыроежки. И с тем, как выростала куча грибов на столе, росло во мне чувство гордости за то, что, вот поди ж ты, и погода для грибов неподходящая, и сам я не деревенский, особых мест грибных не знаю – шёл наугад, а вернулся домой с полной корзиной. Хотя и потратил на это почти весь день,

да и ноги наломал крепко.

– Значит, есть в лесу гриб, зря люди говорят... Вот и Колька, пострел наш, тоже удивился, когда я ему сказала, что ты за грибами ушёл.

Колька – это сын соседей, людей не пожилых и очень занятых работой в колхозе и своим хозяйством. Я подружился с ним год назад, когда впервые приехал ненадолго отдохнуть в крохотную, не насчитывающую и двух десятков дворов деревеньку. В то время в ней уже отдохнули мои хорошие знакомые. У них я и рассчитывал провести несколько дней. Но обстоятельства сложились так, что своих знакомых я в деревне уже не застал и поэтому был вынужден снять комнату у одинокой старушки Прасковьи Ильиничны, жившей в ветхой, почерневшей от времени и непогод избе. Кольке семь лет. Почти каждый день мы уходили с ним в поле, к реке, в лес. Но вчера на сегодняшний день мы ничего не намечали, поэтому я и решил с первым светом отправиться за грибами один. «Все-таки рано это для семилетнего мальчишки в пять часов с постели подниматься», – думал я.

– Он что, приходил?

– Приходил. – И тут Прасковья Ильинична опять всплеснула руками. – Так ведь он пошёл тебя в лесу искать! Значит, разминулись?

– Выходит.

– Ну ничего, – тут же успокоилась добрая старушка, – он паренёк смыслённый, не пропадёт.

Закипел самовар, который за разговорами и отбором грибов умудрилась между делом поставить Прасковья Ильинична, и мы сели пить чай. Перекусив, я поблагодарил хозяйку и вышел в сени, где ещё стоял крепкий грибной запах.

– Ты куда это? – Не поняла вышедшая следом за мной Прасковья Ильинична.

– В лес.

– Пошто?

– Колю искать.

– Колю? Да он лучше любого мужика в округе лес знает.

Наверно, я заметно смутился, потому что Прасковья Ильинична как-то уж слишком быстро переменяла тон – видно, пожалела моё самолюбие – и добавила совсем серьезно:

– А и то, малец ведь. Ты уж сходи, покликай его.

Когда я снова пришёл в лес, в нём уже было сумрачно и тихо. Я шёл по слабо наезженной дороге, и теперь в отличие от утра лес казался мне сонным и равнодушным. Утром в нём было сыро, обильная роса намочила сапоги, сделала их гладкими, блестящими, словно покрыла лаком. Солнце тонкими струйками вливалось в просветы между стволами, блесело на траве маленькими водяными шариками. Сейчас же я шёл по уже пройденной утром дороге, и всё мне казалось знакомым, неинтересным.

Я не стал звать Кольку громким голосом, наверное, в подсознании понимая, что это незачем – он действительно не

мог заблудиться, а решил просто обойти полукругом деревню, углубившись подалее в лес, и выйти на другой конец её.

Я уже подходил к просеке, от которой до деревни было недалеко, когда неожиданно увидел Кольку. Он сидел у ствола высокой сосны, привалившись к ней спиной, и, запрокинув голову, смотрел куда-то вверх. Его маленькая фигурка казалась неживой, застывшей, будто Колька увидел или услышал что-то необычное, завораживающее и замер.

Я остановился. Непонятная сила помешала мне подойти к сидевшему на земле мальчику, нарушить его одиночество, спугнуть мечту или чудо, которое сейчас, может быть, наяву пришло к нему.

Мне очень захотелось увидеть то, что так заморозило Кольку. Я стоял и, боясь пошевелиться, издали стал наблюдать за ним. И тут... в лесу послышался протяжный, сначала совсем тихий, но затем всё нарастающий, набирающий силу скрип. Он был жутким и красивым. В какой-то момент показалось мне, что это настоящий живой голос, что дерево в лесу живёт так же, как и мы – чувствует боль, мучается от старости и одиночества.

Колька вздрогнул. Видно, услышал то, чего дожидался. Мне показалось, что он услышал ответ на заданный недавно им самим тому дереву вопрос. Колька съёжился, напрягся, ещё больше запрокинул голову и так застыл в совершенной неподвижности.

Я был убеждён, что дерево разговаривало с Колькой, жа-

ловалось ему на что-то откровенно, уверенное в том, что он поймёт, посочувствует, поможет.

Скрип прекратился так же внезапно, как и начался. Колька слегка пошевелился, что-то поправил рукой у себя за спиной и – я отчётливо услышал это – что-то сказал. Через мгновение он снова застыл, словно давая дереву время подумать, а сам приготовился дожидаться ответа.

Я оглянулся вокруг. Да, место было мне знакомо. Сегодня утром я проходил здесь. Но почему же не слышал скрипа? А может быть, это дерево не захотело разговаривать со мной, не поверило мне, не доверило своей тайны...

Дождаясь, когда снова послышится скрип, я лёг навзничь на мягкий, слегка пружинивший подо мной мох – словно в снег, провалился в низкий изумрудный сугроб... Снег? И тут я вспомнил, как приезжал на два дня в деревню прошедшей зимой. Тогда в первый же вечер мы увиделись с Колькой. Вернее, он специально прибежал, узнав от родителей, что я приехал. Мы пили горячий чай из пузатого, поблёскивающего никелем самовара – его специально к моему приезду подготовила Прасковья Ильинична – и, уже не помню из-за чего вышел спор, только мне долго пришлось доказывать Кольке, что все лешие, домовые и прочие чудища – это выдумки и в его возрасте верить во всё это не следует.

Колька слушал меня молча, перебивать старшего не смел, но чувствовал я, не верит он. Когда же я замолчал, Колька снисходительно спросил:

– А чудеса в лесу откуда берутся?

– Какие чудеса?

– Завтра покажу, пойдёшь со мной?

Я засмеялся. Ну какие чудеса он мне мог показать? А тут ещё раззадоренная нашим спором Прасковья Ильинична – время уже позднее, на ночь укладываться пора, а мы ещё и расходиться не думаем – прикрикнула на Кольку:

– Давай беги домой, пострел. Отец тебе сейчас покажет чудеса.

Так что договорить мы не успели.

На следующий день рано утром Колька забежал за мной. В дом не вошёл, постучал в стекло окна – обиделся, видно, за вчерашнее, за смех над собой.

Всю дорогу до леса шли молча. Я несколько раз пытался заговорить с Колькой, но тот отмалчивался. Когда подошли к лесу, Колька огляделся, прислушался, и от того, как внимательно он это делал, мне сделалось немного не по себе.

– Ты чего показать-то хотел?

Колька посмотрел на меня серьёзно и, не ответив, пошёл дальше. В лесу тихо, вокруг всё недвижимо-застывшее. Лишь изредка срывается с ветки и беззвучно падает снег. Мы шли сквозь густой и мелкий ельник. Затем прошли березняк. Недалеко от реки свернули и спустились в овраг. Снег здесь был местами рыхлый, такой, что лыжи глубоко проваливались, и от этого идти стало ещё труднее.

– Долго ещё? – не выдержав, с раздражением спросил

я, когда в очередной раз левая моя лыжина провалилась в снежную яму и, попытавшись резко выдернуть её, я ткнулся лицом в голую торчащую ветку берёзы. И вообще, я уже корил себя за то, что согласился пойти с Колькой. К лыжной прогулке я был не готов совершенно. На мне не было ни шерстяных носков, ни спортивной шапочки, ни куртки. В тяжёлом же зимнем пальто и меховой шапке идти было трудно. «Ребячество какое-то, – думал я. – В то время, когда дома осталась недочитанной интересная книга, я зачем-то лазаю по колену в снегу, теряю попусту время, ещё заболею чего доброго. А через неделю начинаются занятия в школе, заканчиваются каникулы, и уже ни болеть, ни книги читать будет некогда. Подготовка к урокам, проверка тетрадей, советы, родительские собрания...»

Колька, шедший впереди меня, как видно, сжалился и остановился.

– Нет, почти пришли, – в голосе снисхождение, – устал?

На этот раз я не ответил.

Шли мы после этого действительно недолго. Колька, подойдя к склону оврага, круто поднимающемуся вверх, снял лыжи и тут же по пояс провалился в снег.

– Снимай, – кивнул он на мои лыжи, – на них вверх не поднимаешься, нужно пешком.

Лыжи мы оставили воткнутыми в снег и начали с трудом карабкаться по склону. Земля под снегом была мёрзлой, покрытой ледком, и поэтому мы часто – то Колька, то я – па-

дали. Но вот Колька остановился. Он тяжело дышал, из-под шапки по раскрасневшемуся лицу сползала капелька пота, оставляя за собой поблескивающий след.

– Вон, смотри, – негромко проговорил Колька и показал рукой на росшую метрах в десяти от нас берёзу. Я не вздрогнул, но испугался. На тоненьком стволе дерева был гигантский, величиной с огромный таз, нарост. И было непонятно, как берёза держала такую тяжесть, не ломалась.

Мы подошли ближе к дереву. Я хотел дотронуться до нароста рукой и не смог. Помешало неприятное, пугающее чувство. Нарост какими-то неуловимыми чертами, наплывами и вмятинами был удивительно похож на сморщенное лицо старого и злого человека.

– Леший, – прошептал за моей спиной Колька.

Я, соглашаясь, кивнул головой, и мы оба осторожно попятнулись назад. А с дерева на нас продолжало строго смотреть страшное сморщенное лицо.

С того-то времени я и решил для себя, что на свете нет домовых и леших, но на свете есть чудеса.

И вот теперь разговаривающее дерево. Что это, игра? А может быть, что-то другое, настоящее и жизненно важное не только для Кольки, но и для всех нас. Только мы повзрослели и теперь многого не замечаем. Может быть, это я невозвратно оставил в своём детстве что-то очень важное, какое-то природное таинство, дарованное мне с рождения.

Я продолжал лежать на спине, провалившись в мох. На-

до мной было наполовину затянутое облаками небо. Поднявшийся ветер шумел густыми кронами по обеим сторонам просеки, и временами казалось, что это не лес шумит, а море.

Я не окликнул Кольку, когда он проходил невдалеке от меня. И у меня не возникло мысли, почему он, такой маленький, не боится жуткого вечернего леса, шума ветра и бездонного в ямах неба. Все эти вопросы придут ко мне потом, когда я, уже засыпая, буду продолжать слышать сквозь шум ветра, лижущего шиферную крышу, будто бы громкий и протяжный, чем-то обеспокоенный скрип жалующегося Кольке дерева, а перед глазами будет стоять страшное сморщенное лицо-нарост.

Тропинка из детства

На следующий день встал я рано. Промучившись всю ночь в тяжёлом, походившем на бред сне, я так и не отдохнул и поэтому чувствовал, как мышцы ног и спины по-прежнему выкручивает ноющая боль. Находившись вчерашним днём за грибами, наломав ноги по ямам и трухлякам, я и сквозь сон ощущал эту усталость, будто навек вселившуюся в меня.

Позавтракав вяло, без аппетита, вышел из избы на крыльцо, сел там, с наслаждением вытянув ноги. День только разгуливался, поэтому солнце, не успевшее набрать силы, ещё не припекало, хоть и было ярким – глаз в небо не поднять.

Вскоре пришёл Колька.

– Много грибов принёс? – после того, как поздоровались, спросил он.

– Корзину.

– А я вчера пошёл тебя искать, да не нашёл.

– И долго искал?

Колька помолчал какое-то время, затем нехотя ответил.

– Не-е-т... не очень.

– Где же ты был весь день?

Мне показалось, что Колька поначалу испугался моего вопроса или растерялся, не зная, как на него ответить, но потом, видно заподозрив что-то неладное и совершенно правильно рассудив, что врать ни к чему, а лучше чего-то не до-

говорить, ответил:

– В лесу.

– И что там делал?

– Гулял.

И тут я понял... нет, скорее почувствовал, что Колька мне не договаривает, боится договорить что-то своё, очень сокровенное. Боится, что я не пойму, посмеюсь, невольно оскорблю этим смехом не столько его самого, сколько его тайну. Что-то заставляло его опасаться моей взрослой рассудительности, желания всё постигнуть умом, а не чувством, увидеть глазами, а не душой. Колька, конечно, не знал, что вчера вечером я подсматривал за ним и уже немного знаю о его тайне, знаю, что он ходил слушать скрипучее дерево.

«Может, и вправду будет лучше, если он мне ничего не скажет, – подумал я. – Вдруг действительно рано ещё. Ведь то, что он мог сейчас рассказать, я видел сам, а что-то другое, то, самое главное, сможет ли он объяснить, а я понять».

Ещё позавчера мы с Колькой пообещали Прасковье Ильичне, что сегодня весь день будем помогать ей грести сено. Хозяйка этого не забыла и теперь, собираясь в луга, нарочно излишне суетилась так, чтобы мы заметили: гремела в сенях граблями, звякала стеклянными банками в чулане, часто выбегала из избы на волю, будто бы справиться о погоде. Наконец, не выдержав, подошла к нам.

– Вы чего сидите? Помогать-то пойдёте? Солнышко воно как высоко.

Я встал с крыльца и пошёл в избу одеваться.

Когда снова вышел, Колька с граблями на плече уже стоял посредине двора, а Прасковья Ильинична с узелком на коленях, в который собрала нехитрый обед, сидела на брёвнышках у изгороди. Видно было, они ждали только меня.

Я взял у Кольки грабли, положил их себе на плечо.

До лугов, где покос Прасковьи Ильиничны, идти не близко: километра полтора-два по большаку, в это время ещё пустому, но уже пыльному, затем свернуть вправо, спуститься в ложбинку и вдоль слабого, чуть заметного ручья пройти ещё с полкилометра сквозь заросли лозняка. Затем опять подняться на взгорок, пробраться сквозь мелкий и густой березняк, а там уже рукой подать до лугов – минут пять ходьбы, не больше.

Когда пришли на покос, я тяжело опустился на землю, сел в тени под старым раскидистым дубом. Прасковья Ильинична, видно вконец удостоверившись, что мне худо, ласково предложила посидеть подольше, молока из бутылки отпить, а сама с Колькой пошла к дальнему концу первого валка, рыхло тянувшегося вдоль недалёкого берега Клязьмы, чтобы приняться за дело.

Я смотрел, как работали Прасковья Ильинична с Колькой. Вот они собрали сено в одну небольшую кучу. Затем нагребли и принесли ещё. Прасковья Ильинична, высокая, худощавая, в цветастой косынке и длинном до пят тёмном платье и в таком же тёмном переднике, работала быстро. Движения у

неё резкие, словно торопится куда, и на покос-то забежала лишь на секунду – распоряжения кой-какие дать и – дальше по своим делам. Колька же работал по-другому, рассудительнее, сдержаннее. Я смотрел на него, и чудилось мне, что это не мальчишка, а низенького роста мужичок, вот только руки тонковаты, жилистости в них нет, да и спина хрупка, не хватает ей натруженности, чуть заметной сгорбленности, а в остальном – вылитый мужичок. Я наблюдал за тем, как он ловко работает большими, не под его рост, граблями: подгребает сено, подхватывает валки, швыряет их на заметно подросшую копёнку, а солнце поблёскивает на его коже уже успевшими выступить капельками пота.

Я сидел под дубом, смотрел на хвойный лес на другом берегу Клязьмы, на сизую, словно остывший пепел, песчаную косу у самой воды, на освобождённый от дёрна и от этого тёмно-коричневый глинистый пригорок, и уже не так чувствовалась усталость, забылась боль в ногах и, главное, постепенно начал оживать слух. Нет, я, конечно, и раньше слышал, но будто не всё. Я слышал разговор, стук своего сердца, собственное дыхание. А теперь для меня начали оживать другие звуки: шуршание листьев дуба над головой, потрескивание сгребаемого сена, лёгкое покрякивание Кольки, когда тот, набрав особо большую охапку высушенной ветром и солнцем травы, по-взрослому напряжись, упирался рукой в черенок граблей и, обхватывая затем свободной рукой ношу с другой стороны, отрывал её от земли и нёс к неболь-

шой, но уже ладно сложенной и любовно причёсанной Прасковьей Ильиничной копне. Я вдруг услышал еле различимое хлюпанье воды о недалёкий берег, слабое тарыхтение трактора где-то за березняком и тогда, замороженный услышанным, замороженный экономностью Колькиных движений и от этого их ладностью, красотой, всем видом его оголённого по пояс гибкого загорелого тельца, встал и быстро пошёл к Кольке, начал вместе с ним сгребать новый валок.

Мы проработали до полудня. Только тогда Прасковья Ильинична скомандовала нам передых, а сама пошла к дубу, в тени которого прежде сидел я и где она по приходе оставила свой узелок. Мы с Колькой прислонили грабли к последней, только что смётанной копне и направились купаться. Подойдя к реке, я поначалу не уловил её прохладной сырости, и только когда Колька, скинув штаны, первым прыгнул в воду, окатив меня с ног до головы брызгами, я почувствовал, сколько в этой по-живому искрящейся на солнце широкой медленно ползущей в своих берегах водяной ленте освежающей радости.

Я разделся и влетел в воду, и ощутил лёгкость, заполнившую всё моё тело, и непонятный, совершенно необъяснимый детский восторг. Я будто бы сам вдруг стал мальчишкой: забегал по воде, заплескал ею в Кольку, а когда он ответил мне тем же, то бросился прочь и, споткнувшись, с головой окунулся и, не успев закрыть глаза, увидел, как вода вскипела надо мной мелкими пузырьками и, ребристо завол-

новавшись, сомкнулась, словно принимая нашу игру и пряча меня от брызг Кольки.

После обеда решили ещё немного отдохнуть. Прасковья Ильинична осталась в тени под дубом, а мы с Колькой улеглись на сене. Говорить ни о чём не хотелось. Мы молча смотрели на реку, на противоположный берег и лес, и я думал: «Куда же подевалась усталость? Что освободило меня от неё? Неужели вид работающего паренька – с каким старанием он выполнял необходимую для жизни исконно деревенскую работу, зародившуюся от земли и неведомыми для нас путями переданную ему? Неужели вот это вечное, необходимое, накрепко усвоенное этим мальчишкой, может меня, уже немолодого, сложившегося человека заставить иначе чувствовать, слышать, думать?!» Но ведь во мне действительно не было больше усталости. Душу мою заполняло что-то необъяснимо трепетное. Мне было хорошо от того, что сегодня ясный солнечный день, что рядом лежит Колька и доверчиво пристроившись к моему плечу сопит мне в самое ухо, что дурманяще пахнет сеном и чуть сырой землёй. И всё это я чувствовал и слышал уже каким-то иным, обновлённым чувством и слухом.

Отец

О том, чтобы побывать в доме у Кольки, поговорить с его отцом, я подумал ещё на покосе. Чем больше я узнавал о Кольке, тем непонятнее, загадочнее становился он для меня. В лесу Колька, казалось, знал всё. Он безошибочно определял, где сейчас есть грибы, скоро ли будет дождь и где, в какой стороне его деревня, если мы слишком далеко уходили от неё. В свои семь лет он не боялся темноты. Но, главное, в обыденном он мог заметить то, мимо чего мы, взрослые, проходили не замечая, не удивляясь. Откуда в Кольке такая зоркость?

С Владимиром Николаевичем, Колькиным отцом, я был знаком ещё с прошлого лета. Частенько перед сном заходил он ко мне выкурить папироску, поговорить о последних деревенских новостях, покритиковать местное начальство, высказать несколько собственных замечаний по поводу обострившейся обстановки в Африке и Америке. Это был мужчина невысокого роста и крепкого, по-крестьянски добротного телосложения с длинными, словно от бесконечной работы вытянутыми жилистыми руками и ещё не старым, но уже на всю жизнь обветренным, в морщинах лицом. Было ему сорок с небольшим. Колька в семье был ребёнком поздним и единственным.

Я никогда раньше не начинал с Владимиром Николаевичем

чем разговора о сыне. Не хотелось этого делать специально, думал, само как-нибудь получится. А тут не выдержал. Может, от того, что окончательно понял – не разобраться одному. Но почему мне нужно было разобраться? Однозначно на этот вопрос я ответить не мог. Только чувство большого, чего-то скрытого совсем рядом от меня переполняло душу. Мне казалось, я стою на пороге чуда. Нужно сделать ещё один шаг, последний, и мне откроется природное таинство детства, которое всем нам даётся в начале жизни в равной степени, а потом отнимается. Или мы сами его теряем?

Выбрав вечер, когда Кольки дома ещё не было, я будто случайно зашёл к Владимиру Николаевичу и как бы между делом начал расспрашивать его о сыне.

– Ждал, что спросишь... Значит, и ты такой же.

– Какой?

Владимир Николаевич нахмурился, поскрёб пальцем плохо выбритый подбородок.

– Меня в правление как-то вызывали, спрашивали, почему плохо воспитанием сына занимаюсь. А я им свой вопрос задал: «Что, грубить старшим начал?» «Нет, – отвечают, – паренёк вежливый, да вот растёт без родительского присмотра. Как бы к дурному не пристрастился». Это Колька-то! Нам учительницу из района прислали. Ездил она по ближайшим деревням, детей для школы-интерната набирала. И вот шла она из Львовки, это в пяти километрах от нас, через лес, напрямик и повстречалась с Колькой. Вот и подня-

ла шум. Один! В лесу! Странный человек. Она считает, что бросил я сына, а того понять не смогла, что воспитание не в том заключается, чтобы ходить за ним и, рукой придерживая за плечико, поучать – это можно сделать, а этого нельзя, здесь растут ягоды, а там нет, здесь в озере вода холодная, а вон там тёплая. Нет, это пустое, слова, а воспитание, добро, взгляд зоркий да чувства ясные из души идут. А душу другого как научишь?

– Не знаю, – честно признался я.

– Вот то-то и оно. Я же так думаю – пусть не по-ученому, не из книжек взято – в человеке маленьком, ну в ребёнке то есть, душа и без воспитания светлая, добрая. Ты видел, как они, человечины-то босоногие, каждую букашку жалеют. Дерево рубят – для них горе, лошадь ударили – слёзы рекой. Этакую душу да ещё воспитывать! Тут в пору самим у них о прощении просить... Я, главное, чего хочу. Пусть он ходит, смотрит, ушибается, ноги царапает, но всё узнаёт сам. Это жизнь, не мы её придумали, только штука она мудрая, да и орешек для нашего ума крепкий. А то что же получается: сколько умов, и все учат. А разве кто-нибудь, кроме меня, видел, как сын картошку рыл на своём клине. Я Кольке в прошлом году клин на огороде выделил. Спросил он как-то зимой: «Пап, а если я картошку посажу, она вырастет?» «А чего же, будет весна, посади – посмотрим». Ну и посадил. Веришь ли, только что на крышу от радости не запрыгивал – остальное всё было. А этой весной, наверное, за неделю до

того, как картошку сажать, сна лишился, потому что праздника ждал.

Владимир Николаевич достал из кармана пачку, вытряхнул на ладонь папиросу.

– Я тебе про душу говорю, а ведь ты, наверное, смеёшься...

– Нет, что вы...

– ... только зря, есть она в человеке. Я, если надо, и доказать могу.

– Докажите.

Я не скрывал любопытства. Разговор с Колькиным отцом оказался неожиданным, и я чувствовал, что не могу, даже если бы и захотел, спорить с Владимиром Николаевичем. А тот запальчиво продолжал:

– Вот и докажу! В школе мы все учимся? Все! Книжки одни и те же читаем, телевизор смотрим. Этого всем нам поровну выходит. Ведь так?

– Приблизительно.

– Почему же тогда люди все разные? Одинаковыми должны быть: добрыми, смелыми, трудолюбивыми. А вот ведь не получается?

– Нет.

– А почему?

Владимир Николаевич сделал паузу, видно дожидаясь моего ответа, но я молчал, и тогда опять заговорил он:

– О душе забывать начали. А ей не подсказки, ей жизнь

нужна, чтоб со слезами, с болью, с обидой и злостью, чтоб не на перине душа нежилась, а в мозолях была от работы непосильной. Видно, одних книжек и разговоров о воспитании маловато. Ещё чего-то нужно. А чего? Не знаешь?

Я промолчал.

– Зато отец мой знал. Привёл он меня как-то к реке, я ещё пацаном был, посадил под берёзой, большой уже, густой, да и спрашивает: «Знаешь, что это за дерево?» Отвечаю ему – берёза. «Нет, жизнь это моя». И так он просто это сказал, что я ему сразу поверил. А свою берёзу я лет пять спустя посадил. Посадил, потому что раз вечером пришёл с работы, а в груди ноет, нет в сердце покоя. Значит, время пришло. А когда посадил, так мне хорошо сделалось, так светло. А почему? Можешь ты мне это книжками объяснить, в кино показать? Нет! Что же всё это, если не душа? Ну, что?

Я слушал Владимира Николаевича, а перед глазами у меня стоял Колька. И я вдруг заметил, как они удивительно похожи друг на друга. Нет, не внешне. Была поразительная схожесть в чём-то другом, неуловимом и трудно объяснимом.

Владимир Николаевич помолчал, покурил. Затем, встав со скамейки, предложил: – Пошли к Клязьме, – и не дожидаясь моего ответа, первым зашагал со двора.

Река была рядом. Нужно только спуститься к ней с пригорка. Узенькая тропинка от дороги до реки была прямой и ровной. Мы свернули на неё с большака и через несколько минут подошли к берегу.

– Что ж не спрашиваешь, зачем сюда привёл?

– Наверное, деревья показать.

– Правильно... И самому посмотреть хочется.

– Стоят ли? – улыбнулся я.

– Нет, – не приняв шутки, серьёзно ответил Владимир Николаевич, – сколько их. Тогда, когда копали картошку, почувствовал я, не просто Колька радуется, не в забаве тут дело, в большем. Ну и сводил его сюда, на берег, о деревьях рассказал. Первые недели всё бегал смотреть, не посадил ли своё. Рано ему было. Если бы посадил, значит, я поторопился рассказать, моя ошибка. Но нет, обошлось, значит, правильно понял, не забава это. А вот сейчас, веришь ли, иду и думаю, а может, позабыл он про деревья, может, мал ещё был, чтоб понять так, как мне этого хотелось.

Странное, необъяснимое волнение охватило меня, когда я подходил к двум высоким, росшим невдалеке от берега берёзам. Одна из них была заметно старше – ствол шире и внизу грубее, с трещинами в коре, с толстыми ветвями. Другая берёза моложе и хотя высотой первой почти не уступала, но ствол у неё был уже, и кора на нём светлее, нежнее. Я и раньше видел эти деревья, но сейчас... я, кажется, понял, почему Колька никогда не купался в этом месте и притихал, стоило нам оказаться поблизости.

– Был!..

От неожиданности я вздрогнул и почти тут же увидел тоненький, с несколькими крохотными веточками стебелёк

молодой берёзки.

– Был всё-таки... приходил, – выдохнул Владимир Николаевич и, присев, начал внимательно разглядывать землю у корней. – Видно, весной посадил... А я-то думал, рано ещё. Ты бы сходил за водой, сухо, полить надо.

Я пошёл к реке. И меня поразило в этот момент то, что уже стемнело, а мы даже не заметили. Поразил вид двух высоких, светло выделяющихся в наступивших сумерках берёз. Поразила река. Сколько же символики во всём этом! Думали ли о ней люди, посадившие здесь деревья?

Мы вернулись в деревню, когда совсем стемнело. Прощаясь у калитки, Владимир Николаевич задержал мою ладонь в своей.

– Ты поосторожнее с Колькой. Привязался он к тебе, как бы беды не вышло. Непокойно мне на душе от вашей дружбы.

И, ещё раз стиснув мою ладонь, быстро зашагал к своему дому.

Ветер

Погода испортилась неожиданно и враз. Ещё четыре дня назад, когда мы с Колькой помогали Прасковье Ильиничне управиться с сеном, было солнечно и тихо. А уже на следующий день ночью заморосило, и к утру третьего дня просёлочные дороги поразмокли так, что ни проехать по ним, ни пройти.

Я сижу в тесноватой, то ли из-за непогоды, то ли из-за подслеповато низеньких окон, тёмной избе и смотрю на небольшой лужок под окном. В избе тихо. Лишь неспешное убаюкивающее тиканье ходиков доносится со стены.

Я часто поворачиваюсь от окна, смотрю в сторону часов. Зачем-то запоминаю время и рассматриваю циферблат с облупившейся краской, а кое-где так и вовсе тронутый ржавчиной. Я изучил циферблат настолько, что с закрытыми глазами ясно представляю его до каждого пятнышка, сколыша краски, положения сосны на рисунке и позы любого из медвежат.

Но временами тиканье теряется, пропадает, и тогда завывание ветра и постукивание капель о стекло заполняет тишину, и на душе от этого становится тоскливо.

Третий день мы с Колькой никуда не выходим из деревни, а последние два дня так и не видимся вовсе. В первый день ненастья он ещё забегал, но потом пропал и вот уже второй

день не показывается. И хотя я себе окончательно в этом не признался, но начало моей хандры было положено исчезновением Кольки. За две недели, проведённые с ним, я крепко привык к этому мальчугану и без него сейчас мне было одиноко и скучно.

Прасковья Ильинична ещё утром ушла в соседнюю деревню, и поэтому в избе я один.

Лужок за окном мокро набух лужицами. По стеклу продолжает монотонно стучать дождь, а я невольно думаю о Кольке, о своей привязанности к нему. В который раз спрашиваю, что тянет меня к этому семилетнему мальчишке, и не нахожу ответа. Слишком много загадочного, необъяснимого было в поступках Кольки. Была в них какая-то первозданная открытость, душевная обнажённость и... естественность. Может быть, к этому-то я и оказался не готов.

И всё-таки неужели это может меня заставить иначе думать о каких-то давно известных истинах? «Неужели?» – в который раз задавал я себе один и тот же вопрос и не находил ответа, потому что отрицать это было невозможно, а поверить, принять – видно, не хватало смелости, не хватало откровенного взгляда на себя сегодняшнего, чтобы увидеть себя, прошлого, другим. Но я не мог не признать одного. Оказывается, это не мне нужно учить чему-то Кольку, думал раньше, а самому учиться у него. Что-то невозвратно, видимо, потерял я в жизни, оставил там, в далёком, слабо различимом сейчас детстве.

Я не заметил, как утих дождь. Вывел меня из задумчивости скрип открывающейся двери. Я обернулся и увидел стоявшего на пороге Кольку.

– Всё, кончился! Пошли быстрее, сейчас самое время.

– Куда пошли, для чего самое время? Да ты хоть поздоровайся сначала, или не научен?

И тут мне стало неловко. Я понял, что так неприветливо разговариваю с Колькой лишь потому, что обижен на его долгое непоявление, потому что соскучился по нему, истомился, дожидаясь его прихода.

Колька удивлённо уставился на меня. Затем смутился и, потупившись, негромко поздоровался.

– Это другое дело. А то пропадает неизвестно где двое суток, потом появляется в доме, не здороваясь, и кричит по чём зря.

По моему голосу Колька догадался, что я вовсе на него не сержусь и даже, наоборот, рад его приходу и чувствую себя неловко, виновато за первоначальную грубость. Он осмелел и опять возбуждённо заговорил:

– Ну пошли же, пошли!

– Куда?.. Вот ведь пристал, – без злобы проворчал я, вставая со стула и направляясь в сени за плащом и сапогами.

– В лес, на ветре кататься.

– На ветре?!

За последнее время я успел привыкнуть ко многим чудачествам Кольки, но это было уже слишком.

– Ты вообще-то хотя бы иногда соображаешь, чего говоришь?

– Соображаю, – будто не замечая моего удивления, спокойно ответил Колька.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Я в растерянности от неожиданного предложения; Колька в ожидании – пойду я с ним или, не поверив, останусь дома.

И тут на меня нашло: «Да почему этот мальчишка то и дело ставит меня в тупик? Я устал от его загадок. Зачем я слушаю его, лазаю с ним по оврагам, хожу по лесу? Почему я так привязался к нему? Что мне от него нужно? Ради чего всё это?»

Но чем больше я так думал, тем отчётливее осознавал, что ни на один вопрос ответить сейчас не могу. И раздражение от этого только возрастало, потому что в подсознании я ощущал необходимость ответить на них. Я понимал, пока не будет разгадана эта тайна – сердце не обретёт спокойствия, а я не пойму, не постигну чего-то очень важного и нужного.

– Хорошо, – с раздражением бросил я Кольке и направился в сени.

Оделся я быстро. Когда мы вышли со двора и пошли вдоль дороги по намокшей траве в сторону реки, я опять украдкой взглянул на Кольку. Он был спокоен и сосредоточен. И это спокойствие невольно передалось мне. Я понял, что Колька ничего не выдумывает, не шутит, не обманывает меня, а действительно идёт кататься на ветре. От этого понимания

исчезло раздражение, но появилось лёгкое сладкое волнение в груди от надвинувшегося предчувствия чего-то необыкновенного.

У реки было холодно. Разогнанные ветром волны громко били в берег, фыркали под корнями наклонившихся вётел, хлопали меж камней, торчащих над водой мокрыми боками.

Мы прошли по берегу до первого оврага. Здесь Колька остановился, огляделся по сторонам, чего-то отыскивая. Затем опять неторопливо пошёл вдоль реки и остановился у высокого обрыва.

– Пришли.

– Куда? – то ли от холода, то ли от волнения, перехватившего горло, хрипло спросил я.

– К ветру.

– Там его что, – я махнул рукой в сторону деревни, – меньше было?

Колька неопределённо пожал плечами и начал карабкаться вверх по склону. И только тогда я заметил берёзу. Она росла у самого края обрыва, а ствол её, раскачиваемый ветром, уходил в сторону реки, почти нависая над водой. Вскрабкавшись на высокий берег, Колька подошёл к берёзе и, обхватив ствол ручонками, начал осторожно пробираться к вершине дерева. Он остановился, когда ствол берёзы начал заметно прогибаться под ним и, обхватив его ногами, ручонками уцепился за гибкие, быющиеся на ветру ветки и так замер.

Снизу от воды я следил за тем, что делал Колька, и не мог понять, для чего всё это. А там, наверху, Колька, казалось, слился с деревом, стал с ним одним целым. Он распластался по стволу, расслабился и закрыл глаза.

Я долго смотрел на Кольку, пока в какое-то мгновение вдруг не почувствовал, что ветер подхватил и начал действительно раскачивать, баюкать его. Колька летал!!! Нет, он, конечно, по-прежнему лежал на тонком стволе берёзы, но в то же время это будто бы не весь Колька, только его внешняя часть, а то, самое главное, сейчас вышло из него и, соединясь с природной силой – ветром, водой, мелко морозящим дождём, небом – жило в их измерениях, в их силе.

И раздвоение Кольки, и катание его на ветре я чувствовал и видел какой-то миг. Это был порыв, приоткрывший дверь в таинство, чем-то неуловимо знакомое мне. Казалось, подобное я уже испытывал. Но когда, когда?

А Колька летал! Я знал это, и мне хотелось быть с ним рядом.

Скользя по мокрой глине, я начал карабкаться наверх. Приостановившись, посмотрел вверх на берёзу. Колька по-прежнему неподвижно лежал с закрытыми глазами, прильнув к раскачиваемому ветром стволу. Тогда я опять полез вверх и тут, поскользнувшись, сделал несколько неловких шагов назад и, не устояв на ногах, упал в воду.

Теперь отяжелевшая одежда сковывала движения, прилипала к телу, мешала, но мне неудержимо, сильнее, чем

прежде, хотелось подняться к Кольке.

Я побежал вдоль берега. Сердце в груди колотилось, мне не хватало воздуха и казалось – ещё немного, и я задохнусь.

Почти ползком, цепляясь за кусты и выступы, я всё-таки забрался на обрыв и бросился к берёзе. Но Кольки на дереве уже не было. Он стоял немного поодаль у самой кромки обрыва и в пол-оборота с удивлением смотрел на меня.

– Ты летал? Летал? Да говори же! – закричал я, подбежав к Кольке. Я схватил его за плечи и смотрел ему прямо в глаза. И тут увидел, как изумление в них заменяется испугом. Но испугом не за себя – за меня. В Колькином лице я увидел жалость ко мне. Но почему, за что? Как может он, мальчишка, жалеть взрослого! Кто ему дал право? А разве на жалость нужны права? Разве непонимание большего, чем понимает тот, кого жалеешь, Колька чувствует и понимает больше меня?

– Да, ты летал, летал, – упавшим голосом еле слышно проговорил я. И тут вдруг понял, меня действительно было за что жалеть. Пока я не увидел жалости в Колькиных глазах, я ещё надеялся, что ошибся, что и полёт Кольки, и его слитость, соединение с природной силой, и неожиданно проснувшаяся боль во мне самом – всё это бред. В действительности ничего этого не было. И, значит, нет тайны, которую я никак не могу постигнуть, нет того мира, в который я никак не могу войти. Нет, мир этот есть, но открыт он только для Кольки. Колька понимает это, потому и жалость в глазах.

Он смотрит на меня и видит не только мокрую, перепачканную глиной одежду, но и то, что бесконечно разделяет нас. Только я этого пока не видел, не понимал. И тут мне самому стало страшно. Я вдруг понял, что ненавижу Кольку. Ненавижу той ненавистью, какой можно ненавидеть только близкого и любимого человека. Я держал Кольку за плечи. Руки мои дрожали от напряжения и волнения, в глазах потемнело, и опять не стало хватать воздуха в груди.

Я оттолкнул Кольку и пошёл прочь, не разбирая дороги, не обходя лужи. Колька догнал меня и, ухватившись за рукав плаща, засеменил рядом, едва поспевая. Так мы прошли поле, пробрались сквозь мелкий кустарник на опушке и вошли в лес.

– Неделю назад ты был в лесу у скрипучего дерева. Я знаю, ты с ним разговаривал. Так научи и меня разговаривать с деревьями... Ты должен научить меня.

Голос у меня дрожал. Казалось, ещё немного и, не выдержав, я закричу на Кольку.

– Хорошо, – негромко согласился Колька и неуверенно добавил: – Если они нам поверят.

Услышав ответ Кольки, я остановился, огляделся. Сейчас мы были в старой берёзовой роще. Высоко над нами, путаясь в ветвях и перебирая листья, шумел ветер, а здесь, внизу, было тихо и светло. Даже сумрак леса не мог погасить белизны берёзовых стволов. Те будто светились.

– Что теперь делать?

Не услышав ответа, я обернулся, но Кольки рядом не оказалось. Мне казалось, я только что слышал его дыхание у себя за спиной, и вот... Кольки нет. Мне сделалось страшно. Я вдруг почувствовал себя маленьким, совсем крохотным и беспомощным, песчинкой. А вокруг страшный, загадочный и непонятный лес с шумом ветра, свечением стволов и исчезнувшим куда-то Колькой. Это лес спрятал его от меня. Он не хочет, чтобы Колька открыл мне их общую тайну.

– Ко-ля! Ко-о-ля!!! – закричал я и бросился бежать назад. Затем повернул вправо, остановился, опять побежал и тут увидел Кольку. Он, как и первый раз, неподвижно сидел на земле, прислонившись спиной к сосне. Опять его фигурка была застывшей, неживой, а сам он, казалось, внимательно во что-то вслушивался.

Я осторожно подошёл к Кольке, присел рядом.

– Что же мне делать, а? Как дальше...

– Ничего, – перебив меня, негромко заговорил Колька, – смотри вверх и думай о них.

Сначала я подумал, что Колька не понял моего вопроса. Ведь я спросил не про то, как слушать деревья. И только сейчас, когда прошло много времени с того ненастного, дождливого летнего дня, догадался – Колька всё понял и ответил единственно правильно. Да и что ещё он мог посоветовать? Мы по-разному видели то одинаковое, что окружало нас, по-разному слышали и чувствовали. Нас разделяла стена, название которой – детство. За ней было недостижимое тогда

для меня таинство.

Я посмотрел вверх и увидел огромное колыхание сплошной зелёной массы. Затем зрение начало контрастнее выделять иголки хвои, листья берёз. И вот уже множество зелёных кругляшей и иголочек неистово бьются, движутся, танцуют, и в их неистовости было что-то от той жизни, в которой жил я сам.

Я вздрогнул, когда Колька неожиданно схватил меня за руку. В один миг всё опять слилось, перемешалось у меня перед глазами, превратилось в огромную зелёную массу.

– Слышишь?

– Что?

– Как наше дерево разговаривает с тем, у которого в стволе дупло... Не слышишь? А как берёзы у поляны смеются над сосной, слышишь?

Я ничего не слышал, а Колька уже со слезами в голосе умолял: – Миленький, хорошенький, я очень прошу тебя – услышь. Они разговаривают, это правда. Ты же слышишь! Ведь слышишь?

Колька плакал. По щекам его текли слёзы, которых он не вытирал. Он умолял, он звал меня к себе и не понимал, не хотел понимать, что я уже никогда-никогда не смогу к нему прийти. Мне было больно, страшно смотреть на Кольку, смотреть в его измученные, заплаканные глаза. Я обнял Кольку за плечи, прижал к себе и, уткнувшись лицом ему в шею, тоже заплакал от бессилия и злобы. И тогда в какое-то

мгновение мне показалось, что я полетел. Исчезло время, заменённое каким-то другим, неведомым, беспредельно свободным измерением, и я ясно услышал голоса деревьев. Они громко и тревожно переговаривались о нас с Колькой. А ветер ещё выше закружил меня, швырнул в ураганный шум сырой листвы, и я разом увидел огромную, уходящую от меня землю и верхушки деревьев, радостно засмеявшихся мне вслед. Их смех был добрым, они принимали меня в свой удивительный, справедливый, чудесный мир. А ветер поднимал меня всё выше, кувыркал, опрокидывал, и небывалая лёгкость появилась в теле, и покой заполнил душу. Мне никогда ещё не было так хорошо, покойно и ясно на душе. Всё в моей жизни вдруг приобрело значимость и необходимость.

Это длилось всего лишь миг, во время которого я не переставал слышать Колькиных рыданий и чувствовать лбом теплоту его шеи. Но что было потом, я почти не помню. Тепло бил озноб и, пытаясь согреться, я всё плотнее запахивал полы насквозь промокшего брезентового плаща. Не смогу рассказать и о том, как мы вернулись в деревню. Ощущение воспалённой сухости во рту, холодного озноба в теле, казалось, вытеснило из сознания всё остальное. Последнее, что ещё запомнилось из этого дня – наклонившееся надо мной озабоченное лицо Прасковьи Ильиничны и прохлада её ладони у меня на лбу.

Сон

Боле́л я тяжело, но не долго. Так сильно простывать случилось мне лишь однажды, в глубоком детстве. Тогда бабушка провела у моей кровати несколько ночей кряду. На этот раз одолеть хворь помогла Прасковья Ильинична. Она не отходила от меня ни на шаг: поила отварами шиповника, малины и каких-то трав; грела ноги горчицей; натирала грудь барсучьим салом. Постепенно прошла тошнота, пропала сухость во рту. Меня перестали мучить кошмары, и я, наконец, заснул по-настоящему глубоко и надолго. Тогда-то и приснился мне этот удивительный сон-воспоминание. Он многое объяснил и помог разгадать Колькину тайну.

Мне приснился зимний лес.

Тук, тук, тук – раздавалось в морозной тишине. Звук казался приветливым, словно зазывающим в сказочное царство, где вместо неба над головой ажурное сплетение чернеющих веток берёз и осин, вместо дворцов – густо усыпанные искрящимся снегом башни елей. Негромкий стук дятла невольно заставил прислушаться, оглядеться, а глаза, пристально всматриваясь в недвижимо застывшие стволы, искали птицу.

Бежавший сзади по только что проложенной мною в рыхлом снегу лыжне Колька, наконец, догнал меня и, остановившись рядом, притих. Ещё сегодня утром мы с ним и не ду-

мали никуда идти, а потом разом решили, встали на лыжи – и в лес. Да и как иначе! Завтра Новый год, а мы без ёлки. Долго кружа по лесу, мы вдруг услышали стук дятла, и тогда, не сговариваясь, повернули на звук. Добежав до поляны, снова остановились, завороженные увиденным, потому что снег на ней светился прозрачным голубым сиянием: живым, трепещущим. И вся поляна от этого, казалось, была окутана клубившимся голубым туманом.

– Пошли, – не выдержав молчания, первым заговорил Колька и тронулся с места.

По колено утопая в голубом снежном сиянии, мы перешли через поляну. Углубившись в лес, ещё какое-то время шли на звук, пока Колька не остановился и не проговорил шёпотом: «Вон он».

– Где?

Я не увидел дятла, хотя по раздавшемуся над самой головой стуку догадался, он должен быть где-то рядом.

– Да вон же, вон! Видишь, кора падает?

И действительно, прямо перед нами, кружась маленьким вертолётиком, упал на снег, густо облитый солнечной синевой, тоненький кусочек шкурки сосновой коры. А через некоторое время, так же кружась, летел уже другой обрывочек коры, и мы с Колькой невольно следили за ним, пока он не упал на игольчато поблёскивающий снег маленьким коричневым пятнышком. Но где же дятел? Мне непременно хотелось его увидеть. Что-то знакомое азартно тянуло меня

к этой птице.

– Давай подойдём ближе, он, должно быть, за стволом сосны спрятался, – предложил я Кольке.

– Нельзя, спугнём, – покачал головой тот и повернул назад, в сторону опушки.

– Куда ты, постоим ещё, послушаем.

Колька удивлённо, затем укоризненно и, наконец, снисходительно посмотрел на меня и... согласился.

– Ладно, пошли, покажу одно место.

Мы опять тронулись в путь. Перейдя Клязьму по занесённому снегом льду, Колька остановился, поджидая меня. Дальше мы пошли осторожнее, след в след. И тут я опять заметил за собой, что, как и на поляне, напряжённо, до звона в ушах вслушиваюсь в светлую морозную тишину, ожидая, когда вновь послышится стук дятла. Но что со мной, почему я так волнуюсь? И только я подумал об этом, как тут же – я даже вздрогнул от неожиданности – по лесу разнеслось знакомое: тук, тук, тук...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.